«Никому не было дела до моего детства, его никто не посещал, с годами оно заросло как запущенный сад». «Опасно возвращаться в места своего детства, большей частью там поселяются разочарования. И всё же детство надо иногда навещать, нельзя, чтобы оно зарастало, заглохло».

Даниил Гранин.
Из рассказа «Запретная глава».

ИЛАНСК (1949-1953)

Первое положительное запомнившееся ощущение – свет, бьющий из окон, тепло от воды и от печи. Меня купают на кухне в доме у бабушки.

Я на руках у мамы. Какая-то женщина незнакомая говорит: «Такой большой, надо идти своими ногами».

С отцом в железнодорожной бане. У меня в тазу красивый пластиковый селезень. Отец в парной. Боюсь, что от жары он может упасть сверху. В бане торгуют томатным соком из стеклянных конических сосудов с краником в нижней части.

Новый Год. Я в кроватке стою. Кот играет игрушками, висящими на ёлке. Они падают и разбиваются.

Лежу на лавке, дёргаюсь, не могу сделать вдох после падения в подполье. Кто-то оставил не закрытой крышку, и я спросонья улетел вниз. Кто и когда достал меня оттуда - не помню. Солнечный день. Крыльцо, где стоит лавка, увито хмелем.

Рентгеновский аппарат поликлиники. Красное табло при входе.

Мама рассказывает сказку с печальным содержанием. Я плачу по ходу сказки. В дальнейшем мама отказывается рассказывать мне сказки.

Дома один. На улице темно. Страшновато. Тикают часы – «ходики» с гирями. Наконец приходит мама. Заглядываю в сумку. Там что-то вкусное, наверное?

Мама очищает кедровые орехи, дает мне полстакана ядрышек.

Отец строгает рубанком. Я на полу играю стружками. Они приятно пахнут и вьются спиралями.

Выздоравливаю после болезни. Компот абрикосовый из железной банки. Красивая жёлтая обёртка с нарисованными плодами.

Отец бреется опасной бритвой, которую доводит до нужной остроты на кожаном ремне, висящем на косяке двери.

Мои мама и папа - глухонемые. Они понимают мою речь по губам и знакам моих рук. Отец потерял слух будучи школьником, переболев менингитом. Он заболел зимой вместе со своим родным братом. Брат скончался. У отца организм был покрепче. Он сильно кричал от боли. Семье посоветовали обратиться к врачу поляку, которому и удалось спасти отца. Речь отца была, как у обычного человека. Мама перенесла менингит в раннем детстве, когда речь у неё ещё не сформировалась. Объясняться с обычными людьми ей было очень трудно.

Дома гуляют, играют в карты. Приехали родственники из деревни. Катаю опорожненные бутылки под столом.

Родители за столом у знакомых. Я во дворе. Мальчишки кидают на крышу кирпичи. Один кирпич падает с крыши на меня, пробивает голову. Очнулся в кровати. Мама держит за руку. Наваливается чернота. Теряю сознание.

Курицы зимуют под столом на кухне. На окнах лёд. Топится печь. Со стёкол на подоконник и по фитилю вода стекает в подвешенные бутылки. Утром надо дома надевать валенки, пока не протоплена печь. Чтобы быстрее нагреть воздух в доме, затапливается железная круглая печь, потом кирпичная. Приложился ладошкой к раскалённой поверхности – пузырь в наличии.

Чтобы в домах зимой было тепло, люди сооружают завалинки. В подполье хранятся овощи, они не должны перемёрзнуть.

Отец сделал мне лопату для снега и саночки. Утром был слышен гудок, доносящийся от котельной паровозного депо. Взрослые говорят, что на улице сильный мороз.

Смотрю картинки в подшивке журналов «Крокодил».

Слушаю сказку по радио «Хозяйка Медной горы» в комнате, где спят бабушка Прасковья и дочь Надя. В углу их комнаты находится икона с образом Девы Марии с сыном. Оклад иконы из металлических лепесточков. На стене в одной рамке за стеклом фотографии родственников, детей бабушки. Моей фотографии там нет. Бабушка Прасковья к церковным праздникам выпекает печенье. Я никогда не

прошу, но если верчусь поблизости, она меня угощает.

Сижу в магазине на подоконнике с сумками. Мама в очереди за макаронами. Очередь и характерный вопрос – «что дают?» - примета времени нашего детства.

Наблюдаю, как мама замешивает тесто, протапливает печь, выгребает угли кочергой, деревянной лопатой сажает в печь листы с пирогами и сдобами. Два дня можно не обедать, питаясь только пирогами.

Я лежу на санках лицом вниз. Дорога убегает назад. Мама куда-то меня везёт. Оказывается, молоко на рынке продают замороженными дисками.

Простыни, принесённые с мороза, гремят и пахнут свежестью.

Знакомый отца подшивает подошвы к нашим прохудившимся валенкам. Он мне кажется хорошим человеком. Взрослые говорят, что он отбывал наказание в заключении. Позже в драке ножом порежет человека, и опять – зона.

ПОЕЗДКА В КРАСНОЯРСК 1953 ГОД

С мамой в купе поезда до Красноярска. Тёмно-синий свет лампы. Сильный удар паровоза по составу. Кто-то падает.

Станционный колокол на вокзале в Красноярске. Кондукторша в автобусе кричит: «Стоимость проезда – одна остановка пятнадцать копеек!».

Свет светофоров в заснеженном городе делает его необычным, привлекательным. Витрины. Много людей на улицах. Троллейбусы на проспекте Сталина. Зелёные огоньки такси.

Впервые пробую грецкие орехи.

Мне покупают трехколёсный велосипед.

Невиданные предметы городского быта: газовая печь, ванная комната, туалет с унитазом. Коммунальная квартира на три семьи. Во дворе ёлка и освещённый каток.

Гул взлетающих над городом самолётов.

С Лёвой смотрим на высокую наряженную городскую ёлку и снежно-ледовые фигуры.

У мамы ночной приступ эпилепсии. Она кричит. Кто-то из взрослых говорит: «Держите ей руки». Мне страшно за маму.

КАК Я НАУЧИЛСЯ ПЛАВАТЬ

Летом у нас в Иланске бывало так жарко, что босые ноги в горячей пыли жгло невыносимо. Мы, мальчишки, в это время перемещались на пруд. Прибрежные прохладные травянистые луга с редкими жёлтыми лютиками приятно холодили наши пятки. Лодки-плоскодонки обычно цепями с замком были пришвартованы к забитой в берег железной свае. Мы забирались в лодку и с упоением, стоя, раскачивали её с борта на борт, пока она не зачерпывала воду. После этого, миссия считалась выполненной, мы перемещались на горячие брёвна и доски сруба водозабора или шли купаться.

В этот раз одна из лодок оказалась не примкнутой, и мы погребли руками к центру пруда. Не помню, что мы творили в лодке, но я со всей компанией оказался в воде и пошёл ко дну. Опускался спиной вниз. Жёлтое солнце светило сквозь зеленоватую воду. Страшно не было.

Когда солнце начало зеленеть, а вода стала холодной, во мне что-то включилось, я всплыл, работая руками и ногами по-собачьи, и молча погрёб к берегу.

ПРУД

Центром жизни для малышни и подростков жарким летним днём в Иланске был пруд. Он был создан в конце 19 века в связи со строительством Сибирской железной дороги. Построены были паровозное и вагоноремонтное депо, теплоэлектростанция.

Паровозы нуждались в регулярной заправке водой. На речке Иланке была воздвигнута каменная плотина с пропускными деревянными затворами для сдерживания паводковых вод. В официальных бумагах пруд имел название Пульсометр. В народе его называли Бульзомент. Леса на востоке от Иланска сохраняли, поэтому речка более или менее справлялась с наполнением влагой водоема. Устремляясь на запад, она впадала в реку Кан.

Южный берег пруда, густо поросший кустарником, летом заполняли стаи скворцов, ставших на крыло. По утрам в лёгком тумане бесшумно скользила лодка с рыбаком, проверяющим корчажки или сеть. Мальчишки с удочками, расположившись

на срубе колодца водозабора, старались не упустить мгновенья утреннего клёва. Солнце ещё не встало из-за холмов, окружающих долину, но небо было светлым и уже алело на востоке. Клёв заканчивался, и мальчишки уходили домой со своим уловом.

Из ближайших переулков к воде тянулись колонны домашних гусей и уток. У затворов плотины, где вода гладко струилась по широким ступеням слива, женщины расстилали самотканые дорожки, стучали вальками - стирали.

В неглубоких заливчиках компания рыбаков бреднем черпала золотистых карасей под возгласы ребятни. Поднявшийся ветер гнал небольшие волны, дробно стучавшие в борта плоскодонок, и шелестел сухими панцирями, недавно вылетевшими из них стрекоз. Ближе к вечеру ветер стихал, рыбаки с удочками к вечерней зорьке возвращались на облюбованные места.

Уже в сумерках, когда опускалась прохлада, мальчишки, дотемна заигравшись в футбол, прибегали смыть пыль и пот. Они голышом вонзались в разогретые воды, и счастливее этих людей никого не было на белом свете